

А н т о н Р а м с т

Город
с нарисованными
домами

Р а с с к а з ы

АНТОН РАМСТ

**Город с нарисованными
домами. Сборник**

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Рамст А.

Город с нарисованными домами. Сборник / А. Рамст — «ЛитРес: Самиздат», 2016

«...меланхолично, немного устало... красиво. весь рассказ воспринимается, как табачный дым — легко, грустно, невесомо. Он словно улечувивается, и поймать его уже нельзя...» Для меня лучшим эпиграфом к этой книге были слова Харуки Мураками " ...А какой текст может написать человек, посреди ночи роющийся в холодильнике на спящей кухне? Только вот такой и может..." Несколько рассказов о призрачном, хотя и реально существующем Городе. Размышления о поиске, свободе, одиночестве и выборе. Их можно воспринимать как единое целое, а можно как несколько самостоятельных историй. Возможно, плавно перетекающих одна в другую...

© Рамст А., 2016

© ЛитРес: Самиздат, 2016

Содержание

ЧТО-ТО О НЁМ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

ЧТО-ТО О НЁМ

Будем смотреть правде в глаза: сегодня он, по-видимому, не придет. Не знаю почему, но я это чувствовал. Последние несколько лет он всегда приходил ко мне в третий четверг ноября – День Памяти Всех Умерших. В этот день их всегда отпускали встретиться с близкими, хотя, может быть, и в другие дни им можно было возвращаться, но ко мне он заходил только в этот единственный день в году.

Как правило, вскоре после наступления сумерек раздавался стук в дверь, иногда в окно, а иногда, если я засиживался где-нибудь и приходил под утро, я застаивал его сидящим в кресле с открытой и уже наполовину пустой бутылкой красного вина в руке.

Мы говорили обычно о самых банальных вещах: о музыкальных новинках, книгах, общих знакомых, короче говоря, простые разговоры «ни о чем». В принципе, и раньше мы виделись не особенно часто. Но... но в этот раз все было иначе: он не придет, я знаю. С чем это связано? Возможно, что он пробился – там у себя – на какую-нибудь должность (зная его, я бы не удивился), правда, я даже не знал, где он конкретно: в раю или в аду, хотя он ужился бы и там, и там. Хотя – я вдруг задумался – я ведь даже не знаю, отчего он умер и когда. Даже о том, что он умер, я слышал только от него самого, точнее, я так понял из его разговоров – напрямую он этого никогда не говорил. Я подошел к холодильнику, налил себе водки, выпил и решил, что сейчас лучше всего лечь спать и с утра начать пытаться узнать, что же тогда произошло.

Телефонный звонок сверлом впился мне в уши, голова раскалывалась. «Вот черт! – подумал я. – Почему никогда не получается выпить только одну, ну две рюмки? Почему надо обязательно надираться?» Я нащупал трубку и нажал кнопку приема.

– Алло, дружище! Ты чего, спишь что ли? – Это был мой старый приятель, один из тех, с кем мы провели когда-то «годы чудесные», хотя и учились в разных школах.

– А чего ты хотел?.. Времени-то сколько? – Я подошел к окну и раздернул шторы: небо на горизонте только начинало светлеть, но на улице уже было довольно много куда-то спешащих людей.

– Понятно. У тебя он тоже вчера не появился?

Уже вчера... Я поежился от внезапного – холодного и липкого – ощущения потери. День, которого я в глубине души ждал весь последний год, как-то незаметно пролетел, не принеся привычного успокоения, а значит, теперь придется еще год из дня в день ждать этой встречи. Я чувствовал себя ребенком, не нашедшим первого января подарка под елкой.

– Нет. Слушай, а как он вообще ушел? – я выливаю остатки теплой вчерашней водки в чайную чашку, выпиваю. – Я тут подумал, что он никогда об этом не говорил, да и остальные как-то по этому поводу не распространились.

– Да, по правде говоря, я и сам не знаю. Я даже не уверен, что он вообще ушел. Сам знаешь, он вообще любитель театральных эффектов, даже если их никто кроме него не видит, – он помолчал. – Хотя чего тут театрального? Короче, слушай: давай приезжай ко мне, поговорим, а то что-то тоскливо.

– Базара нет!

Я положил трубку и стал одеваться, после чего умылся, позавтракал и какое-то время чистил зубы, ходя по квартире и слушая раз за разом одну и ту же на днях полюбившуюся песню.

Выйдя на улицу, я для начала заглянул в киоск – купить сигарет и пару бутылок пива на дорогу. Одну я выпил сразу, на лавочке в ближайшем парке, а со второй неторопливо направился в сторону центра – ехать на каком-либо транспорте не хотелось, к тому же на ходу мне

всегда думалось лучше, а подумать было о чем. Для себя я уже твердо решил, еще вчера, что выясню, что с ним случилось.

Нашу дружбу всегда, в общем-то, трудно было назвать нормальной: он то пропадал где-то месяцами, то сваливался как снег на голову с кучей новых безумных идей, коньяком и какой-то безудержной веселой злостью. Или же мог посреди ночи позвонить и позвать гулять – в его понимании это означало бродить по каким-то затерянным улицам в таких районах, куда и днем-то желания соваться ни у кого, без крайне веских на то причин, не появлялось, причем на погоду ему всегда было плевать. И, надо признать, это действительно того стоило: гулкие шаги в тишине спящей промзоны или молчаливые, темные дома трущоб. Редкие тусклые фонари, пробивающиеся через темно-зеленую пыльную листву старых тополей, узкие арки под железнодорожными путями и берег темной реки с пением нехарактерного для нашей местности соловья. Все это создавало необъяснимо пьянящую, киношную атмосферу какого-то приключения или компьютерной игры.

Мы никогда не знали заранее, куда идем, по крайней мере я, – он, возможно, следовал какому-то своему внутреннему плану. Он всегда шел быстрым шагом, уверенно, будто куда-то опаздывал, через дождь, легко перепрыгивая по камням через почти невидимые в темноте лужи, и негромко говорил, быстро и насмешливо. Как-то раз я спросил его: «Куда ты постоянно торопишься? Если спешить, то можно прийти не туда. И вообще, кто спешит, тот ошибается». На что он немного раздраженно (мои взгляды на жизнь его часто злили) ответил, что от ошибок не застрахован никто и они зависят не от скорости движения, а только лишь от выбранного направления. И если оно выбрано неверно, то лучше упасть и понять, что ошибся, через пять минут, чтобы подкорректировать маршрут. Что это лучше, чем идти по нему неторопливо и осознать, что шел не туда, только в самом конце.

Наши разговоры всегда были предельно откровенны: мы знали друг о друге если не всё, то многое и, в общем-то, были очень близкими друзьями.

Все-таки люди меняются, и не всегда в лучшую сторону. За годы после школы мой друг детства – некогда разгильдяй и авантюрист – располнел и выглядел, как и полагается добропорядочному отцу семейства, сытым и умиротворенным. Мы сидели в его кабинете, за плотно закрытыми дверями, чтобы голоса и дым не помешали уже уснувшим жене и детям. Он вальяжно курил, то и дело сонно стряхивая пепел с сигареты, но в глазах читалась какая-то потерянная и тревога.

– Короче, в тот день он заходил ко мне. У него было скверное настроение, но при этом он был трезв и вполне адекватен. Создавалось впечатление, что он что-то узнал или понял. Что-то такое, что ввергло его в состояние какого-то мрачного ажиотажа. (Уж извини, что я так пафосно, по-другому почему-то не получается.) Но говорить об этом он не хотел или не считал нужным, – затяжка, пауза, кольца дыма, лениво растворяющиеся в беге к потолку. – Все эти его эксперименты с испытаниями судьбы, копанием в собственном подсознании, доведении восприятия реальности до абсурда, – с каждым словом табачный дым выходит из его рта, – не могли закончиться нормально. Ты же знаешь, безликие не любят, когда в их дела кто-то суёт нос, а он, похоже, сунул, и причем весьма, как я понял, глубоко. Любопытный гаденыш был.

– А может, он стал одним из них? – Слова даются мне с трудом: за первой парой пива последовало продолжение, поэтому пришел я уже ближе к ночи и после выпитого соображал довольно туго. – Сам знаешь, его всегда тянуло к подобному радикализму.

– Может быть... Хотя, наверное, все же нет... Понимаешь... Он в тот вечер говорил что-то об ощущении освобождения, о том, что когда нечего терять, когда знаешь, что будет, тогда уже ничего не боишься. «Чувство такое, будто ты можешь все, что обычные правила тебя уже не касаются и любая прихоть, даже самая фантастичная, осуществима», – по-моему, как-то так он сказал. А безликие все же связаны какими-то своими правилами. Во всяком случае,

насколько я понимаю их действия и цели. Тем более с его безалаберностью его бы, наверное, не приняли...

– Ну да. Пожалуй. Может, он собирался покончить с собой? Люди, принявшие последнее решение, всегда выглядят чуть взволнованно, на эйфории.

– Вряд ли, на него совершенно не похоже, он, помнится, собирался жить вечно, – он пожал плечами и встал, чтобы закрыть форточку.

– Тоже верно.

Мы помолчали.

– Знаешь, все-таки странно все это, – он поерзал, усаживаясь обратно в кресло. – Из нас он был самый практичный и, пожалуй, даже прагматичный какой-то. Логика и холодный ум.

– Не всегда. В нем как будто два человека жило, и оба были им: один чувствовал, постоянно был на эмоциях, другой отстраненно анализировал все с ним происходящее. При этом они никогда не встречались, хотя друг о друге знали. Не раздвоение личности, а как бы два режима восприятия.

– Причем переключался он с одного режима на другой мгновенно.

– Да уж...

Вскоре наш разговор неизбежно скатился на последние городские новости и сплетни, и когда мы перебрали кости всем нашим друзьям и знакомым, я попрощался и пошел домой.

По большому счету от этого разговора кроме очередного похмелья я ничего не получил. Только какие-то психологические этюды и психоделические ощущения моего загадочного друга, который умудрился исчезнуть столь стремительно и непонятно, что теперь оставалось только ломать голову, пытаясь понять, где он и почему появляется только в день, когда умершим разрешают выходить в мир живых. После недолгих размышлений я решил посетить его родных. Это было самым логичным решением, но почему-то рассматривалось мной только как самый последний вариант.

Она сидела, прислонившись головой к стеклу водительской двери, по которому медленно стекала вода – теплый осенний снег, попав на разогретое стекло, мгновенно таял. Дозвониться до родителей у меня не получилось, но удалось дозвониться до его подруги, и теперь я сидел у нее в машине, пытаясь поддержать разговор, но получалось, по правде сказать, не так чтобы очень.

– Врачи сказали, что у него отказало сердце, – она пожала плечами, – при его образе жизни... Он же считал себя чуть ли не бессмертным, что его здоровье не может подломиться, но... – она опять пожала плечами.

– А где он похоронен?

– А нигде. По его желанию он вроде как был кремирован, а прах развеян, хотя... – Резкий сигнал проезжавшей машины заставил ее вздрогнуть.

– «Вроде как» – это как?

– Да никак! – в ее голосе почувствовалось раздражение. – Родные его почти сразу куда-то съехали, а друзья ничего не знали. И я ничего не знала, ни о времени, ни о месте, ни о способе похорон. Ни даже о произошедшем.

– Понятно. А он не мог как-нибудь подкупить врачей или что-нибудь в этом роде? Сама знаешь – это нетрудно. Ну, чтобы они справку выписали, что он...

– Зачем? – она резко, с недоумением обернулась ко мне. – Какой смысл ему так скрываться? Не от меня же? Он вообще был со странностями: все эти ночные прогулки, внезапные приступы мизантропии... Может быть, он просто свихнулся и сейчас лежит себе в дурке?

– Ну да, наверное, может быть... – Прошло еще пять минут тишины. – А как же тогда заключение врачей о смерти?

– В том-то и дело, что я не знаю. Я уже ничего не знаю и не хочу знать. Я просто устала и хочу забыть обо всем, что было.

– Да-а, – я почесал висок. – А он к тебе не приходил?

– Ну ты зануда! Нет. Но знаешь, иногда поздно вечером или ночью домашний телефон начинает звонить, и звонок не такой, как обычно – равномерными отрезками, а непрерывный, и длится, пока не возьмешь трубку. Я даже провод выдергивала – не помогает.

Я представил холодную, бесконечную, металлическую трель телефонного звонка в пустой полутемной квартире.

– А если трубку поднять?

Она смотрит на меня, как на идиота. В принципе, подозреваю, не зря.

– Если трубку поднять, там, на другом конце, ее тут же кладут, – говорит она мне, как непонятливому ребенку. – Не знаю. Он раньше, когда мы ругались, постоянно так вот звонил по ночам, а потом трубку бросал. А сейчас, когда его нет...

Она замолчала. Подождав с минуту, я закурил.

– Ладно, я, пожалуй, пойду.

В ответ тишина, прерываемая только ударами кончиков ногтей по рулю.

– Слушай! – она смотрела на меня. – Ты бы зашел к родителям, они-то наверняка знают больше.

– Да я уже пытался до них дозвониться – нет никого дома. И ты же сама только что говорила, что они куда-то съехали!

– Ну да, говорила. Но я слышала, что они вроде бы вернулись. И нет, я к ним не заходила и не собираюсь – не хочу ворошить прошлое.

– Ясно. Ну, попытаюсь еще раз с ними связаться.

– Попробуйся, попробуйся... Ладно, давай, пока. Если что узнаешь, позвони, а?

– Хорошо.

Я ободряюще улыбнулся ей на прощание, вышел на улицу и закурил вновь. День явно не удался, болела голова, хотелось спать. Снежинки вокруг меня походили на людей: они так же бессмысленно куда-то мчались, сталкивались друг с другом, расставались. И в конце концов падали на землю и, растаяв, исчезали навсегда. Такие мысли настроения не улучшали, жизнь показалась мне чьей-то откровенно издевательской шуткой. Поглощенный мыслями, я дошел до метро – на этой станции я сидел уже лет десять, и за это время она совершенно не изменилась. Наверху менялось всё: пейзажи, цены, политики, менялись мои подруги и вообще моя жизнь. И только мраморный пол, деревянные скамьи, особенный запах подземки остались прежними. Я втиснулся в вагон подошедшей электрички и все десять минут поездки усердно изучал рекламу и попутчиков...

– Здравствуй, заходи, – дома у него ничего не изменилось. – Что-то после того, как он уехал, ты и не появлялся.

– Уехал? – я был озадачен, и причем не на шутку. – Подождите! А куда он уехал?

– Да, как я поняла, конкретно никуда. Так, кочует из города в город, иногда позванивает, но вроде бы все у него в порядке. А ты чего-то хотел от него?

– Да нет... То есть да, – я смешался – ситуация была идиотская. – Ладно, пора мне... пора... Извините, что побеспокоил. До свидания!

– До свидания! – пока я выходил из подъезда, его мама продолжала стоять возле открытой двери.

В голове у меня был полный бардак, и поэтому я не сразу понял, что письмо, которое она мне вручила при прощании, от него, и причем предназначалось лично мне. Я вышел из подъезда, сел на лавочку, закурил и медленно надорвал конверт. Почерк был его, сомнений возникнуть не могло: корявые буквы, множество различных стрелочек между словами и фра-

зами (многие из которых были зачеркнуты), означающими, что и в какой последовательности читать, и, в общем, напоминало черновик, которых он не признавал, стараясь писать все с первого раза.

Привет, приятель!

Давно собирался написать, но ты же знаешь, заставить себя взять ручку и сесть за письмо для меня почти нереально. Unreal! (Я бы даже сказал – фантастично!) К тому же, даже написав, надо ведь письмо еще и отправить. Да и, по правде говоря, я не знал, куда писать, так как письмо могло прийти раньше, чем тебе можно будет его прочитать. Или позже, чем нужно. На самом деле очень непросто объяснить то, что произошло, да я, по правде говоря, уже и сам не знаю, как это вообще можно объяснить.

Помнишь, я как-то говорил, что, возможно, мы одновременно живем в двух измерениях и наши сны не выплески подсознания, а какие-то обрывки из нашей параллельной жизни, что когда мы спим – мы бодрствуем в каком-то ином мире. (Не помню, кто это придумал, но теория мне показалась занятной.) Черт, конечно, знает, как там всё на самом деле, но что-то, видимо, есть, во всяком случае, происходящее со мной много логического объяснения, как мне кажется, не имеет.

Ну да ладно, все равно в письме всего не передать. Просто это вообще труднообъяснимо, и дело даже не в нехватке слов, просто словами трудно передать ощущения, эмоции, порой настолько противоречивые, тонкие на уровне четвертой или даже восьмых или шестнадцатых долей тонов и хитросплетенные, что даже сам не можешь понять, в чем тут дело. А дело в том, что, похоже, граница между моими снами и реальностью становится все более и более размытой. И как сон можно контролировать и изменять, как хочешь по своей воле (стоит только понять, что это сон), так у меня порой меняется то, что обычно называют термином РЕАЛЬНОСТЬ. Забавно, не правда ли? И поверь, я не тронулся умом, во всяком случае, не более чем обычно, – просто что-то меняется. Пока что это бывает как приступ: накатит, поплющит и отпустит, но с каждым разом приступы продолжительней и продолжительней, и знаешь, я уже начинаю привыкать к этим новым возможностям, – это, черт подери, удобно, хотя и непонятно, к чему приведет. ХЕ-ХЕ-ХЕ. Поживем – увидим, чувак! Оревуар!

Р. S. Передавай всем привет. Вот разберусь со всеми заморочками, приеду, и обо всем поговорим, «есстественно», за бутылочкой «чего-нибудь». Как думаешь? А, да кто тебя спрашивает?

Увидимся.

Число, подпись.

Я закурил еще одну сигарету и крепко задумался. Создавалось впечатление, что он действительно рехнулся или же писал, будучи серьезно под препаратами. Я посмотрел на дату – три года назад. Хм, где-то тогда он и пропал. Все это было очень интересно, но мои мозги слишком серьезно пострадали от потоков обрушившейся в последнее время на меня противоречивой информации, и поэтому я, зайдя в магазин, взял побольше пива, еще пару пачек сигарет и ушел от гнусной действительности года 20** от Рождества Христова в алкогольный туман.

Наутро я, как всегда в последнее время, с трудом собрался с силами и поехал на работу. Обычно мой напарник приходил раньше меня, но в этот раз он задерживался, и я трепался со старой сменой охраны возле входа, попивая чай. Когда он пришел, я уже почти проснулся, во всяком случае, желание немедленно упасть на стулья и поспать часок-другой уже почти прошло. Мы спустились во двор, закурили, и я спросил у коллеги, не слышал ли он чего-нибудь

про выверты, подобные описанным в письме моим товарищем, в нашей психике. На что он ответил, что он не психиатр, и, по его мнению, это просто бред, и что курить надо бы поменьше.

Рабочий день прошел достаточно обычно для субботы: до обеда людей было мало, лишь изредка заходили случайные посетители скоротать полчаса за игрой, и только ближе к вечеру зал наполнился разгоряченными от отдыха людьми. Мне, впрочем, особо до них дела не было – я непрерывно думал только о событиях предыдущего дня. Конечно, глупо было рассчитывать узнать правду за столь короткое время, но запутаться еще больше я все же не планировал.

Я выдал очередному клиенту его небольшой выигрыш из сейфа и вернулся за стойку.

– Слушай, я тут твоего приятеля видел, заходил который раньше сюда. Ну, вы вроде в университете вместе учились. – Напарник мучился от скуки, и ему хотелось поговорить.

– Ну и?

– Да нет, ничего особенного, столкнулись вчера ночью в магазине, он там с какой-то компанией что-то покупал.

– Особо-то, знаешь, я не удивлен, хотя сам его видел в последний раз где-то год назад... Там, в чайнике, вода есть? – Что-то наподобие ревности заскребло где-то внутри.

Вода была, и, слегка подогрев ее, я заварил себе чаю.

– Знаешь, видок у него был!!! Как у Носферату какого-нибудь – бледный, под глазами синева!

– Он всегда так выглядит, – хмуро пробормотал я.

– Может быть. Но во всяком случае, веселье у них в компании через край било...

Он отошел к подозвавшему его игроку, и было видно, как он что-то пытается ему объяснить про правила игры.

– А, слушай анекдот! – он быстро вернулся. – Ночь, мужик сидит дома один. Вдруг звонок. Мужик подходит к двери, спрашивает: «Кто там?» Ему в ответ: «Смерть». – «И что?» – «Да, собственно, и всё».

– Глупо как-то, – зачем-то сказал я, хотя шутка мне понравилась. Наверное, мне просто хотелось, чтобы он оставил меня в покое.

– Плоский юмор зачастую самый тонкий! – с деланой многозначительностью он поднял вверх указательный палец.

Промолчав, я оставил его в этой позе и подошел к окну. Редкие белые облака быстро пробежали перед ярко горящими на черном фоне звездами. От вида этих огней, светившихся где-то беспредельно далеко, становилось немного не по себе. Господи, подумалось вдруг, когда я в последний раз просто смотрел на звезды? Не мимолетно, как на часть пейзажа, а действительно смотрел? Смотрел, воспринимая их именно как лучи какой-то далекой, возможно уже не существующей, жизни, как на что-то практически вечное? Чем я занимаюсь? Эта игра, деньги, люди, замкнутый цикл, белка в колесе, из которого страшно вырваться – а вдруг кто не так подумает? Он-то, помнится, всегда мало волновался о том, что о нем думают люди, для него они все были как будто временными попутчиками, с которыми можно провести время и пойти дальше по своим делам. И, расставаясь, он как будто стирал их из памяти, хотя при этом помнил каждого даже спустя много лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.